

ЗА РОДИНУ

Причины всероссийского горя

Т. Лютов

Вопрос о причинах торжества чело-
веконенавистнического учения боль-
шевиков для многих представляется
неразъяснимым. Как могло случи-
ться, что подпольная организация
профессиональных революционеров
завладела огромной страной? Как
могло случиться, что великий народ,
только что вдребезги разбивший ве-
ковую свой самодержавия, мог от-
речься от своей свободы и, падали
лиц, поклониться деспоту?

Конечно, обман сыграл свою роль.
Но на какую же благоприятную поч-
ву должен был пасть этот обман,
чтобы оказалось возможным заста-
вить русский народ пройти страшный
путь от продрозверстки и граждан-
ской войны до коллективизации,
«ежовщины» и нынешней сталинской
бойни.

Крестьянство рвалось на землю, ни-
чего кроме земли не хотело видеть
и решало земельный вопрос очень
просто. На этой простоте оно и по-
пало. Сначала оно возлагало на-
дежды на царя, потом на революцию.
Только бы отобрать земли у поме-
щиков, отобрать любой ценой, —
а больше и заботиться не о чем.
Страшно сказать, но кроме этой дет-
ской веры у крестьянина не осталась
за душой никакой мысли.

Крестьянская жажда земли была
вполне законна. Но крестьянство не
понимало самого важного. Оно не
понимало, что самое главное вовсе не
в том, чтобы получить землю — в
порядке ли революционного захвата,
или в порядке конституционной ре-
формы, за выкуп или без него. Са-
мое важное было в том, чтобы на
этой земле устроиться. А для этого
нужно было желание и умение дого-
вориться с соседом, наличием пра-
вового чувства, привычка ко всена-
родному делу. Ничего этого не ока-
залось у русского крестьянина.

Проповедь классовой борьбы бы-
ла главным оружием большевиков,
той отравой, на которую как на
целобное питье, набросились обма-
нутые темные души. Горький и кро-
вавый опыт классовой борьбы был
пройден русским крестьянством до
конца, до полного разорения, до ма-
совой гибели, до рабства, до поте-
ри человеческого облика. Повальное
перегрызание друг другу горла — вот
единственный закон крестьянской
жизни, принесенный большевиками.
Началось с уничтожения помещиков,
а потом комитеты бедноты грабили
«кулаков» и утесняли середняков.
Дальше — подонки деревни уничто-
жили кулачество, как класс, запи-
сывая в «кулаки» всех, кого хотелось.
А середняки трусливо попуститель-
ствовали, в надежде, что авось их по-
милюют. Не помиловали, а под ко-
нец взяли и за бедноту. И все пото-
нуло в колхозном омуте нищеты, бес-
правия и продолжающейся взаимной
ненависти и грызни.

В противоположность крестьянству
с его полнейшим непониманием зна-
чения политической и культурной ор-
ганизации, русский пролетариат обла-
дал выраженной волей к организации.
Это — прекрасное качество и из не-
го могло бы произойти много добро-
го. Но в русских условиях благо об-
ратилось в зло.

Царское правительство лишило
русский народ права союзов. Кре-
стьянство не ощущало этого лишения.
Но пролетариат, которому не по-
зволяли создавать легальные орга-
низации, ответил на запрет устрой-
ством организаций подпольных, где
руководили революционеры. Госу-
дарственно-мыслище элементы ли-
шены были возможности воздейство-
вать на рабочих и крестьян. Благо-
даря политике правительства, моно-
полии политической деятельности
приоритет революционные партии.
Это было страшной бедой. Недаром
Ленин так ненавидел «экономистов»,
людей, стремившихся создать в Рос-
сии профессиональное рабочее дви-
жение, не помышляя о социалистиче-
ской революции. Получить эти люди
возможность осуществлять свои цели,
— большевизм был бы невозможен.

Наступательная операция у Невеля

Уничтожено два советских полка

Главная ставка Фюрера, 23 ноября.
Верховное командование германскими во-
оруженными силами сообщает:
Северо-восточнее Керчи отражены но-
вые атаки советских войск.

У никопольского предместного укре-
пления и в большой излучине Днепра
противник усилил натиск. Весь день продол-
жались упорные бои, в течение которых все
попытки советских войск прорваться, были
отбиты; немногочисленные вклинения про-
тивника ликвидированы или ограждены не-
медленными контрударами. В районе одного
из вклинений группа германских бронетан-
ковых сил уничтожила 82 из 100 советских
танков, ведших атаку. 22 ноября в этом рай-
оне уничтожено 146 советских танков.

У Черкасс германские войска контр-
атакой отбросили неприятеля, ворвавшегося,
было, в немецкие позиции.

Западнее Киева советские войска ока-
зывают ожесточенное сопротивление герман-
ским атакам. Отразив много неприятельских
контратак, германские дивизии прорвали
глубоко разветвленную систему советской
обороны и уничтожили два советских полка.

Юго-западнее Гомеля германские войска
под натиском превосходящих сил непри-
ятеля отведены на вторые линии. К северу
от города тяжелые бои против продолжи-
тельного натиска советских сил завершили
полным успехом германской обороной. В рай-
оне, расположенном к югу от Кричева,
ведутся ожесточенные бои с ворвавшейся
туда группой неприятельских сил.

К западу от Смоленска германские
дивизии в движении семь дней третьем сра-
жении у смоленского тракта одержали
выдающиеся оборонительные успехи. Гер-
манские позиции здесь тесно атаковали 34

пехотных дивизии и 6 танковых бригад, ко-
торые понесли при этом беспримерные поте-
ри в живой силе и военных материалах.

К востоку от Витебска и в районе
невельского вклинения отражено не-
сколько советских атак местного значения.
В ходе германской наступательной операции
северо-западнее Невеля, неприятель отбро-
шен на юг.

В южной Италии крупные силы
противника на крайнем левом крыле атако-
вали германские передовые посты, стоявшие
севернее реки Сангро; многочисленные
ожесточенные атаки отражены; одно мест-
ное вклинение ограждено.

После безоговорочной капитуляции не-
приятельской морской крепости Лерос,
сложив оружие также гарнизон острова Са-
мос. На острове высадились германские
войска. Часть английских и бадальевских
войск, составлявших гарнизон острова, в
течение последних дней бежала в нейтраль-
ную страну. Войска численностью в 6000 че-
ловек, покинутые своим дивизионным ко-
мандиром, разоружаются германскими де-
сантными соединениями.

Соединения английских бомбардировщи-
ков 22 ноября вечером совершили тяжелый
террористический налет на Берлин. Мно-
гочисленные фугасные и зажигательные
бомбы произвели разрушения в разных ча-
стях города. Уничтожен ряд невозместимых
памятников культуры. Есть жертвы среди
населения.

Другие соединения неприятельской ави-
ации произвели налет на населенный пункт в
Рейнской области. Согласно сведениям, по-
ступившим до сих пор, германская противо-
воздушная оборона, несмотря на особенно
трудные условия, сбила 29 бомбардировщи-
ков.

Дорогая битва

Токио, 24 ноября.

По японским подсчетам, американцы в
одном только северном районе Соломо-
новых островов, за время с 27 октября по 17
ноября, лишили военных материалов цен-
ностью в миллиард долларов.

Наступление на острова Джильберта

Токио, 24 ноября.

Согласно сообщению японской импер-
аторской ставки, сильные американские воен-
но-морские соединения, в том числе линей-
ные корабли и авианосцы, перешли в на-
ступление на острова Макин и Тарава, груп-
пы Джильберта. Согласно последним сведе-
ниям, 21-го ноября все еще велись бои ме-
жду японцами и американцами, которым ча-
стично удалось высадиться на островах.

Острова Джильберта расположены между
Соломоновыми и Маршалскими архипела-
гами.

На побережье Норвегии продолжается усовершенствование линии укреплений. Германские солдаты и члены организации Тотт прокладывают новый туннель, соединяющий форты со складами вооружения.

Но правительство лишило их этой
возможности, — тем самым расчи-
стив дорогу Ленину.

В России пролетариат играл осо-
бенно большую роль. Он огромны-
ми массами скопился в крупных цент-
рах; концентрация его была очень вы-
сока. В крестьянской стране, с рас-
пыленным по деревням населением,
неспособным к организации, совер-
шенно неразвитым политически,
пролетариат был стальным тараном,
действовавшим в инертной, киселе-
образной среде. Это была страшная
сила, которой ничто не могло проти-
востоять. И этой силой большевики
решили овладеть во что бы то ни ста-
ло.

Единственным оплотом, на кото-
рый могло опереться правительство,

была армия. Но когда армия в 1917
году развалилась, Россия покати-
лась к советскому строю.

Таковы главные причины, предоп-
ределившие успех большевизма. Ядо-
витый цветок марксизма странным
образом пышной всего расцвел на
востоке. Яд марксизма в Западной
Европе в значительной степени пара-
лизовался высокой культурностью на-
селения. Западно-европейского ра-
бочего даже дубинкой мирового кри-
зиса не удалось загнать в рай марк-
систского социализма. Русский же
народ с детской доверчивостью шел
в коммунистическую западню.

Он, конечно, увидел свою гибель,
но было поздно: с него уже сняли го-
лову «не большой горой, а соломин-
кой».

„Близится семнадцатый год“

Почему большевики заторопились с окончанием войны

Если просмотреть все отчеты о моск-
овской конференции, все комментарии и все
высказывания участников этого совещания,
то ярче всего бросается в глаза истонный
крик кремлевских правителей об ускорении
окончания войны. Это единственно, что ре-
зко и отчетливо выступает из груды туман-
ных и неясных решений московской конфе-
ренции.

— Ускорьте темпы войны, откройте вто-
рой фронт, — говорит Сталин на конферен-
ции.

— Мистер Иден, спешите с окончанием
войны... Война должна окончиться с насту-
плением весны, — говорит Молотов.

И Сталин, и Молотов, говоря это, дума-
ют лишь одно: «Спасите нас, спасите, мы
тонем... Ой, мы тонем...»

В чем же дело? Почему большевики
вдруг заторопились с окончанием войны?
Почему они подняли этот крик сейчас, когда
Красная армия стоит на Днепре, а не кри-
чали об этом, когда она стояла на Волге?
Они сейчас трубят в победные трубы и по
их словам все идет хорошо.

И вдруг мы слышим крик: «Скорее окан-
чайте войну, а то будет поздно!»

В чем дело?
Может быть, нет людей, нехватает рабо-
чих рук? Но Сталин в своем докладе ска-
зал, что фабрики и заводы работают полным
ходом.

Может быть, нет орудий? Но Сталин
в своем докладе сказал, что орудия выпуска-
ются в достаточном количестве.

Может быть, нет продовольствия? Но
Сталин сказал, что Красная армия сыта и
городское население обеспечено продоволь-
ствием.

Однако, дело в том, что Сталин врет.

Людям, конечно, нет. Сталин сам пробол-
тался об этом американским журналистам,
сказав, что Советский Союз потерял в этой
войне семнадцать миллионов человек. При-
ходится проводить шумную кампанию по
повышению выпуска продукции. Англо-а-
мериканские поставки ничтожны. По отчетам
комиссии за последний год Англия и США
поставили в СССР такое количество ору-
дия, которого по нынешним расходам мо-
жет хватить, примерно, на три с половиной
дня войны... Боицы голодают, а граждан-
ское население пухнет от голода.

Прекрасный ответ на поставленные в
начале вопросы дают секретные донесения
одного из штабов Красной армии, письма
полевой почты и пленные, захваченные у
Житомира.

«Близится семнадцатый год», — вот что
говорят эти источники. Близится семнад-
цатый год, когда русский народ в приступе
отчаяния повернул оружие против тех, кто
втянул его в и-нужную кровавую бойню.
Близится семнадцатый год, когда советское
правительство, продающее кровь русского
народа англо-американским капиталистам,
должно будет заплатить по кровавому сче-
ту, который предвзят ему сам русский на-
род.

«Советский тыл насыщен сейчас оружием
и военным имуществом. Это представляет
известную опасность...» — сказано в од-
ном из сообщений штаба. В секретных до-
несениях появляется страшное слово «зеле-
ные». Это люди, мстящие за бездарно про-
литую русскую кровь. Как в семнадцатом
году народ начал пускаться под откосы поез-
да, жечь помещичьи усадьбы, — так сейчас
вспыхивают то там, то тут подожженные
совхозы, горит государственное имущество.
Вспыхивают зарницы освобождения русско-
го народа от страшнейшего в истории че-
ловечества рабства...

«Один полк пришлось разбросать в ты-
лу, специально для охраны военного иму-
щества и снабжения...» — сообщает коман-
дир 193-й красноармейской стрелковой ди-
визии.

Красноармеец 13-го минометного полка
П. пишет своей жене: «Останусь скоро я
один. Чуть ни каждый день приходится нам
растреливать неадекватных бойцов...»

Вот в чем кроется причина, криков кре-
левских палачей об ускорении окончания
войны.

Зеленые — это новая опасность. Они
встают грозным призраком перед своими
порабителями-большевиками. Русский на-
род держит в своих руках оружие и знает,
против кого надо его повернуть.
Г. Большаков.

Сталин боится своих генералов

В СССР популярность стоит головы

За последнее время в советских газетах
упоминаются имена командующих, которых
раньше никто никогда не слышал. Обычно
сообщается о награждении их орденами, но
кроме этого читатель не может узнать ниче-
го. В газетах нет ни одного портрета, ни од-
ной биографии, дающих представление о
людях, занимающих ответственные посты в
Красной армии.

Что же это означает?
Дело объясняется тем, что Сталин и его
окружение не хотят, чтобы новые выдига-
ющиеся лица стали слишком популярными.
Не хотят, чтобы их военный авторитет обес-
печивал бы им, в той или иной мере, какую
то политическую роль.

Учитывая опыт прошлых лет, Сталин при-
нял соответствующие меры. Прежде всего,
он сделал все, чтобы в генеральном штабе,
в наркомате обороны и в других ответст-
венных военных учреждениях были бы только
испытанные, преданные ему люди. В конце
сорокового года, как известно, была про-
ведена детальнейшая чистка всего команд-
ного состава Красной армии. В командовании

были оставлены лишь лица, беспрекословно
подчиняющиеся Сталину и не перечини-
ющие ему ни в чем, Таков, например, Ворошилов.
Несмотря на то, что он является одним из
виновников поражения Красной армии, он
не был устранен, а продолжает, как верный
сталинец, занимать ответственное положе-
ние.

Таковыми помощниками, как Хрущев и
Жданов, Сталин старается обеспечить свое
положение в различных военных комитетах.
Ни тот, ни другой не являются военными
специалистами. Ни один из них не имеет
никаких прав на генеральское звание. Жданов
даже никогда не служил в Красной ар-
мии и никакого военного образования не
имеет. Но не это важно. Важно одно, что
партийная диктатура возглавлялась
людьми беспрекословно подчиненными Ста-
лину.

Сталин особенно боится, что новые ге-
нералы, приобретающие популярность и авторитет
в армии, могут опереться на вооруженный
народ и начать борьбу против него и его
еврейской клики.
А. Климов.

Германский бомбардировщик, после успешного полета, возвращается на свою базу. На аэродроме машину приветствуют солдаты летной службы.

Лондон сетует на Вашингтон

Берн, 24 ноября

Лондонская газета «Сэндис Дипатч» поместила статью об англо-американских отношениях. Сравнивая военные усилия обеих держав, газета приходит к заключению, что Англия принесла гораздо больше жертв в этой войне, чем Соединенные Штаты.

Несмотря на слабое участие американских войск в оккупации северной Африки, Алжир и Марокко находятся под американским влиянием. Кроме того газета протестует против американского требования, согласно которому Англия на тихоокеанском театре военных действий должна выставить против Японии большее число войск, чем до сих пор.

Синагогальный плут

Женева, 24 ноября.

Лондонский раввин Давид Моргенштерн отдал властям под суд за попытку нажить обманым путем. Плутующий раввин утверждал, что во время воздушного налета на Лондон была также повреждена его синагога, при чем погибла часть ее внутреннего оборудования.

Он подал заявление о возмещении убытков на сумму в 3.600 английских фунтов. Чиновники, желавшие убедиться в обоснованности иска, в синагоге не нашли никаких повреждений.

Сбившись на допросе, раввин заявил, что будто бы уничтоженные предметы из синагоги удалены, но куда, он сказать не мог. Вся история оказалась выдумкой.

С точки зрения раввина, даже налет можно превратить в объект наживы.

Оружейные склады в Палестине

Иамир, 24 ноября.

Среди еврейского населения Палестины найдено много оружия. В населенных еврейскими прибрежными областями Палестины, особенно в Рамате и Хабовере, раскрыт центр подпольной еврейской организации, причем там было найдено много военного снаряжения.

Все это среди арабов вызвало сильное возмущение.

Путь Филиппин к независимости

Конец американского посягательства

Торжественное провозглашение самостоятельности Филиппин, состоявшееся 14 октября 1943 года, знаменует собою окончание более, чем 80-летней борьбы филиппинского народа за свою самостоятельность. Филиппинский народ в свое время вел вооруженную борьбу против своих притеснителей. В период американского владычества, эта борьба из вооруженной превратилась в политическую.

Филиппинские острова были открыты испанцами в 1521 году. Вплоть до конца 19-го века, испанцы ими владели. Тем не менее, в Филиппинах не угасало чувство самобытности и всегда жило стремление к самостоятельности.

Первым вождем филиппинцев в освободительной борьбе был глазной врач Ризал, учившийся в Германии, в Гейдельбергском университете. В 1892 году он основал тайную организацию «Филиппинскую лигу». Вскоре Ризал испанцами был сослан в Минданао. Там он собрал вокруг себя 14 молодых филиппинцев, которых воспитывал в духе «апостолов самостоятельности Филиппин». Во время испано-кубинской войны в 1896 году Ризал был расстрелян испанцами.

Почти одновременно с «Филиппинской лигой» возникла революционная организация

«Катипунан», которой в 1896 году удалось поднять знамя восстания против испанцев. Программа этой организации была радикальной — «орден сынов нации» требовал не только самостоятельности, но и национализации имущества испанских монастырей. Восстанием руководил 27-летний генерал Аквинальдо. Из своей ставки он обратился к мировой общественности с воззванием, требуя самостоятельности Филиппин. После ожесточенной борьбы, длившейся 15 месяцев, Испания, ослабленная войной с Кубой, заключила мир, предоставив Филиппинам широкую автономию, но добившись выселки главарей «Катипунана».

В 1898 году, во время испано-американской войны, Америка заявила целью захватить Филиппины. Так как американский флот для овладения островами не был достаточно силен, то американцы заручились поддержкой генерала Аквинальдо, который, собрав с американской помощью армию, разбил испанцев. Тем не менее, американцы, выслав свои части, отнюдь не собирались действовать в интересах филиппинцев.

Вскоре Аквинальдо убедился в том, что он был обманут американцами, не давшими Филиппинам самостоятельности. В сентябре

1898 года Аквинальдо провозгласил первую самостоятельную Филиппинскую республику. В следующем году между Филиппинами и Соединенными Штатами вспыхнула война. В течение двух лет Аквинальдо превосходил американским силам оказывая сопротивление. В конце концов, он был побежден. Попав в плен, Аквинальдо дал слово больше не вмешиваться в политическую жизнь. Вплоть до занятия Филиппин японцами, Аквинальдо оставался верен своему обещанию. Лишь после провозглашения самостоятельности Филиппин в 1943 г., Аквинальдо предложил свои услуги новому правительству.

В начале 20-го века, вождем филиппинцев в политической борьбе против американцев стал Квезон. Пользуясь трениями между американскими республиканцами и демократами, Квезон добился кое-каких успехов — Филиппины получили некоторую автономию. Островом была обещана полная самостоятельность, но в... 1946 году. Незадолго перед войной американцы нарушили все свои обещания и ограничили автономию Филиппин.

Лишь война между Америкой и Японией принесла Филиппинам настоящую самостоятельность. А. Шухаев.

Россия в Коммунистическом

(Продолжение 16-ой)

Советский актив был выван из жизни в трех целях: «согладатайство, ущемление и ограбление». С точки зрения Угрюм-Бурчеева, заседающего в Кремле, советский обыватель неблагонадежен всегда — начиная со вчерашнего председателя мирового коммунистического интернационала и кончая последним мужиком — колхозником или не колхозником — безразлично. Следовательно, согладатайство должно проникнуть в мельчайшие поры народного организма. Оно и проникло. Согладатайство без последующего ущемления — бессмысленно и бесполезно, поэтому вслед за системой шпионажа строится система «беспощадного подавления»... Ежедневную мало заметную ивную рутину грабежа, шпионажа и репрессий выполняют кадры актива. ГПУ только возглавляет эту систему, но в народную толпу оно не подпускается: не хватало бы никаких «штатов». Там действует исключительно актив, и он действует практически бесконтрольно и безапелляционно.

Для того, чтобы заниматься этими делами из года в год, нужна соответствующая структура личности. Нужны, по терминологии опять же Шедрина, «твердой души прохвосты».

РОЖДЕНИЕ АКТИВА

Родоначальницей этих твердых душ, — конечно, не хронологически, а так сказать, только психологически — является та преследуемая и уже ставшая нарицательной пионерка, которая побежала в ГПУ доносить на свою мать. Практически не важно, из каких соображений она это сделала: то ли из идеальных, то ли мать просто в очень уж недобрый час ей косу надрала. Если после этого доноса семья одной многообещающей девочки даже и уцелела, то ясно, что все же в дом этой пионерки ходил больше не бродячий, а в какой-то мере и в какую-то семью. Даже коммунистическая семья, — принципе поддерживая всякое согладатайство, все же предпочтет у себя дома чекист-

распинается в преданности и непреклонности. Ораторских талантов для этого не нужно. Собственных мыслей — тем более, ибо мысль, да еще и собственная, всегда носит отпечаток чего-то недовольного и даже неблагонадежного. Такой же отпечаток носит даже и казенная мысль, но выраженная своими словами. Поэтому-то советская практика выработала ряд строгих стандартизированных фраз, которые давно уже потеряли решительно всякий смысл: беспощадно бороться с классовым врагом (а кто есть нынче классовый враг?), целиком и полностью поддерживать генеральную линию нашей родной пролетарской партии (а что есть генеральная линия?), стоя на страже решающего или завершающего года пятилетки (а почему решающий и почему завершающий?), ну и так далее. Порядок фраз не оговаривается, главное предложение может отсутствовать вовсе. Смысл отсутствует почти всегда. Но все это вместе взятое создает такое впечатление:

— Смотри-ка, а Петя-то наш в активисты лезет...
Но это только приговорительный класс активности. Для дальнейшего продвижения активности должна быть конкретизирована, и вот на этой-то ступени получается первый отсев званых и избранных. Мало сказать, что мы-де, стоя пнями на страже, и т. д., а нужно сказать, что и кто мешает нам этими пнями стоять. Сказать что мешает — дело довольно сложное. Что мешает безотлагательному и незамедлительному торжеству социализма? Что мешает «непрерывному и бурному росту благосостояния широких трудящихся масс» и снабжению этих масс карточной — не гнилой и в достаточных количествах? Что мешает «выполнению или перевыполнению промплана» нашего завода? Во-первых, — кто его разберет, а во-вторых, при всяких попытках разобраться всегда есть риск власти не то в «уклон», не то в «загиб», не то даже в «антисоветскую агитацию». Менее обременительно для мозгов, более рентабельно для карьеры и совсем элегантно для собственного благополучия — вылезти на трибуну и ляпнуть:

— А по моему пролетарскому, рабочему мнению, план нашего цеха срывает инженер Иванов. Потому как он, товарищи, не нашего пролетарского класса: еврейский батька пол, а он сам — кусок буржуазного интеллигента.

Для инженера Иванова это не будет иметь решительно никаких последствий: его ГПУ знает и без рекомендации нашего активиста. Но некоторый «политический капита-

леш» — активист уже приобрел: болеет, дескать, нуждами нашего пролетарского цеха и перед доносом не остановился.

В деревне активист ляпнет о том, что «подкулачник» Иванов ведет антиколхозную агитацию. При таком обороте подкулачник Иванов имеет очень много шансов поехать в концентрационный лагерь. На заводе активист инженера, пожалуй, укушить всерьез не сможет — потому и донос его ни в ту, ни в другую сторону особых последствий не будет иметь но своего соседа по цеху он может цапнуть весьма чувствительно. Активист скажет, что Петров сознательно и злонамеренно выпускает бракованную продукцию, что Сидоров — лжеударник и потому не имеет права на ударный обед в заводской столовке, а Иванов сельской сознательно не ходит на пролетарские демонстрации.

Такой мелкой сошкой, как заводской рабочий, ГПУ не интересуется. Поэтому, что бы тут ни ляпнул активист, — это, как говорят в СССР, будет «вянуть на карандаш». Петрова переведут на низший оклад, а не то и уволят с завода. У Сидорова отнимут обеденную карточку. Иванов сельской рискует весьма неприятными разговорами, ибо — как это совершенно было предусмотрено Угрюм-Бурчеевым — «прадники отличаются от будней усиленным упражнением в маршировке» и участие в оных маршировках для обывателя обязательно.

Вот такой «конкретный донос» является настоящим доказательством политической благонадежности и открывает активисту дальнейшие пути. На этом этапе спотыкаться почти все, у кого для доноса душа недостаточно тверда.

Дальше активист получает конкретные, хотя пока еще и бесплатные задания, выполняет разведывательные поручения комячейки, участвует в какой-нибудь легкой кавалерии, которая с мандатами и полномочиями этиками табунком налетает на какой-нибудь заводчик и там, где раньше был просто честный советский кабак, устраивает форменное сретопрествление, изображает «рабочую массу» на какой-нибудь «чистке» (рабочая масса на чистки не ходит) и там вырывается в заранее указанные комячейкой игры, выуживает «прогульчиков», «лодырей», «вредителей-рабочих», выкалывает непролежные или освоенческие недомыслия... В деревне, помимо всего этого, активист будет ходить по избам, вынюхивать запяски в какой-нибудь рваный валенок пять-десять фунтов несданного государству мужицкого хлеба, выслеживать всякие «ан-

Останется ли Рузвельт у власти?

Обостренная борьба за пост президента США

В недалеком будущем в США должны состояться выборы президента. Несмотря на войну, к ним лихорадочно готовятся вся страна и гадают, будет ли избран Рузвельт, вопреки всем традициям, четвертый раз президентом США или будет вынужден покинуть свой пост?

Недавние частичные выборы, произведенные в штатах Нью-Йорк, Нью-Джерси, Пенсильвания и Кентукки принесли несомненную победу республиканцам, несмотря на то, что демократам на этих выборах пришлось блокироваться с кандидатами рабочей партии.

Обозначенная победа республиканцев на этих частичных выборах указывает на растущее недовольство среди широких масс США внутренней политикой Рузвельта. Забастовки углекопов усугубляют это положение.

Лагерь противников Рузвельта за последнее время значительно увеличился, даже за счет самой демократической партии. Многие влиятельные демократы открыто высказываются против четвертого переизбрания Рузвельта. Как сообщает газета «Сатердей Иннинг Пост», особое недовольство господствует в южных штатах, которые протестуют против «интернациональной политики» Рузвельта и требуют более энергичной защиты попранных «прав белых» на юге. Недавно один из деятелей южных штатов, губернатор штата Луизиана Джозеф (демократ), открыто выскзался за создание даже отдельной партии южан.

В кругах республиканцев недовольство политикой Рузвельта гораздо серьезнее — там растут «изоляционистские» тенденции и подчеркивается принцип «Америка для американцев». Газета «Чикаго Трибюн» очень близкая к этим кругам, не так давно бурно приветствовала частичное поражение Рузвельта на конгрессе, видя в этом «вторую американскую революцию», которая в корне сможет изменить внутреннюю и внешнюю политику США.

Тяжелое положение рабочих, разочарование изоблаженных американских масс продолжительной войной и связанных с нею ограничений, возмущение против астрономических прибылей военной промышленности, наряду с увеличением государственных военных налогов, бьющих по карману обывателя, — все эти явления отнюдь не благоприятствуют усилению авторитета Рузвельта.

Чехарда на рабочем рынке

Плачевное состояние хозяйства в Австралии

Недавно английская газета «Таймс» оставилась на тяжелом положении австралийского сельского хозяйства, в первую очередь, объяснив кризисе недостатком в рабочей силе. Из 500.000 рабочих, занятых в сельском хозяйстве, 150.000 человек было призвано на работу в предприятия военной промышленности.

Теперь австралийское правительство вынуждено принять противоположные меры: многие солдаты и рабочие военной промышленности снова возвращаются на сельские работы. Из этого следует, что Австралия принуждена сократить свои армию и военную промышленность, чтобы, таким образом, выполнить план снабжения англо-американских частей, расположенных на юго-западном побережье Тихого океана, и обеспечить продовольствием английский материк.

Как сообщает «Таймс», в течение следующих двух месяцев в Австралии предполагается уволить с военной службы и снять с военных заводов 25.000 человек и отправить их на сельскохозяйственные работы. Предполагается также повысить продукцию консервных фабрик. Для этой цели привлекается 30.000 женщин, занятых раньше в военной промышленности. Затем намечается ос-

Конечно, пока это только отдельные голоса, но несомненно одно — недовольство политикой Рузвельта в США растет изо дня в день.

Посему можно судить, что приближающиеся выборы президента США пройдут в чрезвычайно обостренной атмосфере, и Рузвельт вряд-ли легко одержит победу в четвертый раз.

С. Чернов.

вободить значительное число квалифицированных рабочих военных заводов для монтажа сельскохозяйственных машин. Если, кроме всего вышесказанного, принять во внимание, что с работы будет снято значительное число рабочих угольной промышленности, то можно себе приблизительно представить, насколько снизится военная промышленность Австралии.

Насколько эти мероприятия необходимы, показывает хотя бы то обстоятельство, что на днях в Австралии снова сокращена норма выдачи мяса гражданскому населению, и это в стране, чрезвычайно богатой скотом и жирами. Гражданское население больших городов Австралии получает теперь лишь 60-70 процентов прежнего мясного пайка.

Финансы Англии в тупике

Мадрид, 24 ноября.

Пять сенаторов американского конгресса недавно совершили осведомительную поездку по Британской Империи. При этом сенаторы убедились в плачевном состоянии английских финансов и хозяйства.

Американский журнал «Форчюн», на основании этого приходит к выводу, что «Англия изжила себя». Внутренняя задолженность Англии, несмотря на высокие налоги, достигает семнадцати миллиардов фунтов стерлингов. Иначе говоря, государство должно каждому англичанину 362 фунта.

По данным «Форчюн», почти все запасы сырья в Англии использованы. Журнал подчеркивает, что Англии после войны будет трудно переключиться на мирную промышленность.

Предотвращение катастрофы

Бухарест, 24 ноября.

Самообладание одного молодого человека предотвратило тяжелую катастрофу на улицах Бухареста.

По очень оживленной центральной улице города, к ужасу прохожих, полным ходом несся пустой трамвайный вагон без вагонного водителя. Прохожие в страхе застыли на месте, ожидая, что каждое мгновение произойдет страшное столкновение.

Положение спас молодой велосипедист. Поравнявшись с трамваем, он схватился за веревку трамвайной дуги, и притянув ее, прервал подачу тока в мотор. Вагон, проехав по инерции несколько десятков метров, остановился, а находившийся велосипедист исчез в сумятице городского движения.

Расследование выяснило, что вагонный водитель на остановке был выброшен из вагона скандальным пассажиром и во время падения нечаянно включил ток.

Ликвидация ливанских беспорядков

Анкара, 24 ноября.

Комитет голлистов, завершив переговоры с англичанами, опубликовал предложение, должностное вести к окончанию ливанского кризиса. Ввиду упорных требований ливанского населения, предполагается немедленно освободить из-под ареста ливанского президента и вернуть ему его пост. Три арестованных министра также будут освобождены, оливок, на свои должности больше не вернутся. Французский уполномоченный из Ливана будет отозван, а президент создаст новое правительство.

Решение об освобождении президента и его возвращении на должность руководителя страны, принято, безусловно, не из любви англичан к арабам. Ясно, что без этого жеста англичанам в Ливане не удалось бы восстановить порядок. Все события указывают на то, что англичане в ближайшем будущем ливанцам представят высокий счет и приложат все усилия к тому, чтобы как можно выгоднее использовать положение.

Восстановление ливанского президента в его правах, для Англии уже является известной выгодой, так как, удалив французского наместника, влияние Лондона в Ливане значительно усилится.

Шпионы в Стокгольме

Стокгольм, 24 ноября.

Необычайная история произошла на этих днях в Стокгольме. Некий житель города на улице нашел большой конверт и невольно испугался, увидев его содержание. В конверте были не более ни менее, как детальные планы шведских подводных лодок «Дельфин» и «Нордпапар».

Нашедший поспешил в ближайший полицейский участок, который таинственный конверт переслал в бюро находок, уведомив об этом адмиралтейство. На другой день в бюро явился морской офицер, забравший пакет и удостоивший находшего скромной наградой в десять крон (пять марок).

Каким образом планы подводных лодок оказались на улице — до сих пор неизвестно. Возможно, что они были украдены в адмиралтействе и потеряны шпионом, которыми кишат теперь улицы и рестораны Стокгольма.

Со всего света

Стокгольм. — Морское министерство США сообщило, что американский эсминец «Мек Кин» потоплен японскими самолетами у юго-западного побережья Бутенвиля.

Лиссабон. — Португальское военное судно «Лима», покидая порт для очередного плаванья, столкнулось с английским транспортным пароходом. Оба корабля получили тяжелые повреждения.

Женева. — В Палестине на днях произошли серьезные столкновения, во время которых ранено 30 человек. Одно из английских учреждений в Тель-Авиве демонстрантами было подожжено.

Бангкок. — Печать Таи (бывший Сиам) сообщает, что Япония, в виде подарка, передала вооруженным силам Таи ряд двухмоторных самолетов, в свое время захваченных на острове Яве.

Буэнос-Айрес. — Одно из самых замечательных строений в древней части города Рио-де-Жанейро — «Дворец Санта-Лючия» — стало жертвой большого пожара.

Анкара. — Из Ливана сообщают, что в резиденцию нового министра-президента, назначенного де-голлевцами, Эмиля Эджа, брошены две бомбы.

Женева. — В Каире произошли демонстрации населения, закончившиеся перестрелкой с полицией. Убито три студента.

Белград. — Местный сейсмографический институт отметил сильное землетрясение. Очаг землетрясения находится в 750 км. в юго-восточном направлении от Белграда.

тигосударственные тенденции» и вообще доносить во всех возможных направлениях...

Пройдя этикий искус и доказав, что душа у него, действительно, твердая, означенный прохвост получает, наконец, портфель и пост.

НА АДМИНИСТРАТИВНОМ ПОПРИЩЕ

Пост этот обыкновенно из паршивеньких. Но чем больше будет проявлено твердости души и непреклонности характера перед всяким человеческим горем, перед всяким человеческим страданием, перед всякой человеческой жизнью — тем шире и тучнее пути дальнейшего поприща. И вдали, где-то на горизонте, маячит путеводной звездой партийный билет и теплое место в ГПУ.

Однако, и в партии, и в эсбонности в ГПУ принимают не так, что-б уж очень с распростертыми объятиями — туда попадают только избранные из избранных. Большинство актива задерживается на средних ступенках: председатели колхозов и сельсоветов, члены заводских организаций, кооперация, низовой аппарат ГПУ, всякие согладатайские ампулы в домкомах и жилкомах и прочее. В порядке пресловутой текущей части кадров наш активист, точно футбольный мяч, перебарывается из конюхи в конюху страны — по всяким ударным и сверхударным компаниям, хлебозаготовкам, мясозаготовкам, хлопкозаготовкам, бригадам, комиссиям, ревизиям... Сегодня он грабит какой-нибудь украинский колхоз, завтра вылавливает кулаков на Урале, через три дня руководит налетом какой-нибудь легкой гипнотамии на стекольный завод, ревизует рыбные промыслы на Каспии, расследует «антигосударственные тенденции» в каком-нибудь союзе или школе и всегда, везде, во всяких обстоятельствах своей бурной жизни вынюхивает скрытого классового врага...

Приказы, директивы, «установки», «задания», инструкции мелькают, как ассоциация в голове сумасшедшего. Они сыплются на активиста со всех сторон, по всем «адресам»: партийной, административной, советской, профсоюзной, хозяйственной. Они создают атмосферу обладания, окончательно прергаждающего доступ каких бы то ни было мыслей и чувств и в без того нехитрую голову твердой души прохвостов...

(Продолжения следует)

ЖИЗНЬ В НОВОЙ РОССИИ

Примерный хозяин

(От нашего корреспондента)

Был тихий осенний вечер. Вся окрестность, насколько позволил видеть глаз, была залита лунным светом. Я сидел у старости деревни Батьково Ивана Григорьевича и вел беседу.

— Так, говоришь, нынче хлеба у тебя будет порядком?

— А ты думал как! Теперь только из чистой ржаной муки будем печь хлеб. Мне о хлебе и думшки нет. Знаю, что целый год буду сыт. Не беда, что только я один в семье работаю. Свой надел земли я все же обработал, наравне с остальными справился! Сам видишь, жене только за ребенком ухаживать, а эта еще мала — указал Иван Григорьевич на старшую дочь. Всего тринадцать лет.

Посмотрев в окно он вдруг воскликнул: — О, какой сегодня вечер! Светло, как днем, хоть вышивай на улице. Нет, поеду камни выворачивать.

— А для чего тебе камни выворачивать и, главное дело, когда спать уже пора? — поинтересовался я.

— Как для чего? Я хлев с клятвой перенесу на другое место. Хочу, чтобы все постройки перед глазами были. Таким, понимаешь, колымскому все устроить. У меня планы обширные. Видишь, за каких-нибудь три дня клятву перенес, обшил, осталось только крышу покрыть. После этого думаю между клятвой и хлевом поставить сарай для инвентаря, рядом с хлевом — сарай для е-

на и конюшню. Вокруг всех построек канаву нужно выкопать, чтобы вода стекала. Как видишь не на шутку задумал.

С этими словами староста нахлобучил шапку и, взяв в руки лом, вышел на улицу. Я последовал за ним.

Подойдя к камню, наполовину торчавшему из земли, староста стал его выворачивать.

Теперь ночи большие, слава Богу, выспаться хватит времени, — добавил Григорьевич и, сплюнув в ладонь, еще усерднее стал ворочать домом.

М. Б.

НОВАЯ ЭЛЕКТРОСТАНЦИЯ

Опочка.

В последнее время световую энергию города Опочка давала электростанция местного льнозавода. Однако она не могла удовлетворить все потребности города. В ближайшие дни заканчивается капитальный ремонт локомотива городской электростанции мощностью в 75 киловатт и город получит новую энергию в 220 и 120 вольт. При такой мощности локомотива можно будет обеспечить светом всех абонентов станции.

Снабжено энергией будет также государственное хозяйство «Петровское». Станция льнозавода обеспечит светом близлежащие к городу деревни.

Заурядный случай

Картинка недавнего прошлого

Шел тридцатый год. По приказу Сталина на селе проводилась «ликвидация кулачества, как класса, на основе сплошной коллективизации». Под эту рубрику подошли и крестьянские деревни Плошки Иван Васильев.

Живя по соседству, я хорошо знал этого крестьянина. Отличался он от своих односельчан лишь трудолюбием, да хлеб имел всегда в достаточном количестве. А в остальном был, как и все: носил лапти, которые редко когда сбрасывал с ног. Но видно уж человеку такая судьба — попасть в «кулаки».

После описи имущества на Ивана Васильева начали накладывать задание за заданием и налог за налогом. Вначале он выплывал, пока хватало сил, но потом отказался. Присутствие в деревне «кулака», да вдобавок злостного неплательщика, было бельмом на глазу для местных «активистов». Как то в январе я был разбужен воплями и громким плачем. Наскоро одевшись и выбежав на крыльцо, я сразу понял в чем дело: выслали Ивана Васильева. У крыльца стояли две подводки. На одной были уложены вещи, а на вторую приказали усаживаться Ивану Васильеву с семьей. Здесь же гарцовал верхом на коне начальник милиции Клаушин. Когда Иван Васильев со своей семьей усаживался в подводку, я невольно обратил внимание, что все они были обуты в лапти. — Вот так кулаки! — подумал я. — Даже ноги обуть не во что! Только усеялся, Иван Васильев обратился к старшему сыну Александру: «Сынок, сходи-ка в избу, принеси мешочек с хлебом. Я на столе оставил». Когда Александр возвратился, то в мешочке оказался хлеб, а камень. Это были проделки Ваньки Подкидыва, местного активиста.

Жена Ивана Васильева, не выдержав, начала громко рыдать.

— Чего заревела? — замолчать! — зоркая начальная милиция и, хлестнув плетью коня, подъехал к саням.

— С домом, товарищ начальник, никак не расстаться, вот и хнычет, скаля зубы, заявил Ванька Подкидыв.

— Мы им покажем, кулацким мордам, где раки зимуют! — трясся от злости, сказал начальник.

На другой день я узнал, что Ивана Васильева отвезли на станцию и вместе с другими высланными отправили в Сивинино. Оставшиеся вещи Ивана Васильева активисты разделили между собой, а постройки и скот передали во вновь организованный колхоз.

Прошло одиннадцать лет. Много за эти годы умерло в деревне от голода и болезни.

Кончились годы большевизмского лихолетья и сивининцы, оставшиеся в живых, вернулись на родину. В их числе явился и старший сын Ивана Васильев — Александр с женой и двумя детьми. Узнав, что Александр Иванович живет в освобожденной от большевиков родной деревне, я зашел навестить старого приятеля.

В разговоре выяснилось, что отца и мать он похоронил в тот же год весной. По словам Александра Ивановича, жизнь в Сивинино была поистине каторжная. Сезон добычи торфа начинался со второй половины апреля, когда еще не вышел донок. Высланные заставляли стоять чуть не по пояс в жидкой, деляной торфяной массе. Проработав сезон, человек делался калекой. Таким калекой сделался и брат Александра Ивановича, который, не протянув до зимы, умер. На мой вопрос о жизни в настоящее время, Александр Иванович улыбался:

— Сейчас я на жизнь не гневаюсь. Лошадь есть, скоро две коровы будут иметь, овцами обзавелся и телегу справил. Во время землеустройства получил в пользование отруб с четырьмя гектарами пашни и тремя сенокосами. Одним словом, настоящим крестьянином стал. Теперь только работай, не ленись: будешь с хлебом.

М. Букетов.

Герои Соловков

Воспоминания бывшего лагерника

Чрезвычайно высокий, стройный, богатый складом человек. Лыбная голова. Совершенно седые волосы и молодое лицо. Геолог. Осужден на расстрел, замененный 10 годами заключения в лагерях НКВД. Осужден по одному из известных академических процессов. Переписанные намереть профессору наговорили. Бог весть какие небывали. В том числе и на Б. Н. Ж. И, тем не менее, его назначили главным инженером и начальником производственно-технической части Соловецкого лагеря.

Соловки тех лет заключали, в составе осужденных лучших русских ученых, инженеров, врачей. Из заключенных составляли даже целое научное общество — «Соловецкое Общество Краеведения», издававшее свои труды в 1926—1930 годах. Правда, эти «труды» и «ученые записки», рассылаемые в специальные научные библиотеки, как русские, так и иностранные, — не поступали в продажу, а из их содержания и формы отнюдь нельзя было догадаться о том, что авторы — узники... В Соловках были мясо-консервный и рыбо-консервный заводы, с рыбными промыслами. На последних и на лесозаготовках работали, по преимуществу, духовенство и монашество... Были также устроены небольшие судостроительный и ремонтно-механический заводы, своя электростанция, мебельная фабрика и большое производство игрушек — механических и деревянных. Последний — игрушечный цех помещался в те годы в Преображенском соборе монастыря, в другой части которого располагался и замечательный музей иконописи, которым руководил сначала известный профессор В. П. Николаевский, а затем другой заключенный — крупнейший ученый А. И. Анисимов, так и умерший в лагерях.

Но третьему (оперчекистскому) отделу лагеря, т. е. внутрилагерному ПТУ, необходимо было заработать ордена и продвижение по службе. Путь для этого в НКВД один: «вскрыть» вредительскую диверсионную организацию...

Заместителем начальника 3-го отдела был в то время энергичный и предприимчивый Петерсон. Им, его начальником и начальником лагеря было уже получено не одно поощрение от «отца народа»... И все благодаря гениальной мысли Петерсона. Он основал банду, хорошо организованную и крепко сколоченную, дисциплинированную — из местных заключенных — уголовников, и собрал им, когда можно оградить насущно лагерь, его закрытые кооперативы или лагерные склады. В банду при этом привлекались «свеженькие» участники из уголовников меньшей квалификации. Указанный Петерсоном объект «обшищался» весьма ловко и основательно, чаще всего с убийством сторожей. Значительная часть ограбленного поступала в раздел между участниками: Петерсоном, лагерным начальством и бандами, причем на долю «новеньких» приходилось крохи... Но не менее половины всего награбленного пряталось в условном месте. И тогда Петерсон начинал следствие. Арестовывались «новенькие», их по всем правилам «допрашивали», составляли протоколы дознания, расстреливали, а Петерсон потом «находил» значительную долю похищенного. Премии, поощрения, ордена за четкую, образцовую работу. И основные «кадры» банды — также в стороне, ибо запись показаний «новеньких» вели тот же Петерсон и его ближайшие помощники...

Но больших поощрений на уголовщине не получали. И Петерсон с начальником лагеря задумали новый «процесс»: вредительский. Был организован поджог Соловецкого кремля со всеми основными предприятиями и музеями, мастерскими и складами. Уголовники ловко и незаметно подожгли кремль, в том числе и древний Преображенский собор. Но инженеры, профессора, врачи и прочие «контрреволюционеры» —

заключенные под руководством Бориса Николаевича самоотверженно борясь с огнем, полностью отстояли и собор, и кремль и все предприятия лагеря. Выгорела лишь некоторая часть деревянных перекрытий собора и небольшая часть деревянных игрушек — всего на 3—3,5 тысяч рублей, как показала экспертиза.

Это, однако, ни к чему не привело. Все инженеры, ученые и врачи, принимавшие участие в отстаивании зданий и имущества от огня были арестованы в качестве поджигателей и посажены сразу же в лагерную тюрьму «смертников» на Анзерский остров. Во главе «смертников», конечно, и Б. Н. Ж.

Следствие повело, само собою разумеется, «автор» процесса — Петерсон. Все арестованные были мужественны и ни в чем «не сознавались», несмотря ни на какие «внушения» со стороны следователей. Но сонания и не требовались. У Петерсона было много «свидетелей» обвинения из числа поджигателей — уголовников...

И все «поджигатели» — контрреволюционеры, человек — 45—50, во главе с главным инженером лагеря, заключенным Б. Н. Ж., были приговорены лагерной коллегией к расстрелу... Громкий процесс! В Соловки из Москвы едет для поощрения чеккистов — сам Матвей Берман...

Но Петерсон не рассчитал одного маленького обстоятельства. В лагере находился тогда в качестве заключенного один своеобразный человек. Маленького роста, шуплый, слабенького сложения, Д. был крупнейшим специалистом по подлогам и банковским хищениям, специалистом европейского масштаба. Он горячо ненавидел тюремное и лагерное начальство и, как специалист шантажа и сыска, был своеобразной

«контр-разведкой» заключенных. Нужно при этом сказать, что крупные мастера уголовного промысла — прекрасные говарши в заключении...

И «контрразведка» Д. собрала таких свидетелей и такие документальные доказательства, что приехавший из Москвы наглый Берман, вместо поощрения своего любимца Петерсона и других чеккистов, вынужден был их арестовать.

Казалось бы, справедливость восторжествовала? И арестованных специалистов, приговоренных уже в лагере к расстрелу, необходимо выпустить — если не из лагеря, то хотя бы из лагерной тюрьмы?

Но в ПТУ своя правовая логика! Правда, постановление о расстреле было отменено, но все заключенные, несмотря на невинность и героизм в отстаивании лагерного добра, были приговорены к разным срокам заключения в лагерных штрафных тюрьмах с использованием исключительно на тяжелых физических работах...

Но и это не сломило крепкого, мужественного духа Б. Н. Ж. Я познакомился с ним, когда он был переведен в наш лагерь заключенным геологом.

Десять лет заключения и три смертных приговора не сломили его. Он остался той же крупной целевой личностью, которая ни под каким давлением не скажет «да», где нужно сказать «нет».

Сейчас он, вероятно, на территории, освобожденной от большевиков, и я надеюсь, что его 55 лет не помешают ему стать одним из крупных работников в восстановлении русского хозяйства — после освобождения его из большевизмских цепей.

Б. Филлистинский.

Химеры и действительность

Что рассказал немецкий фельдфебель

Советский Союз всегда был недоступен для иностранцев. Очень немногие из них получали возможность посетить эту страну, но и их возили по специальным местам и строго следили за тем, чтобы они не сделали ни одного шага самостоятельно. Показательные колхозы, показательные заводы, показательные студенческие общестия, показательные тюрьмы, показательные... да, все только то, что на показ, что создано для того, чтобы пустить пыль в глаза. Сельскохозяйственная выставка, митинги, знамена, плакаты, аплодисменты... Где же здесь разглядеть живую жизнь под всей этой мишурой?

Но вот разразилась война, та война, которая по утверждению Сталина, должна была вызвать революцию в других странах. На территории Советского Союза пришли солдаты европейских армий. Может быть, среди них были и коммунисты. Теперь они увидели Советский Союз без прикрас. Вот характерный рассказ одного немецкого фельдфебеля.

— Но ведь это ужасно, как вы жили, разве так можно. И это называется социализмом! Мы раньше не верили тому, что писали газеты, думали, что это во всяком случае преувеличение, а оказалось, что нет, еще даже слишком мягко написали. И за такую жизнь Москва призвала нас бороться! — иронически добавляет он.

— У нас на заводе, — продолжает фельдфебель, — был старик рабочий — коммунист. Он все время оставался верным своим принципам. Он видел бурный рост новой жизни, видел, как все больше и больше рабочие примыкают к новым, национал-социалистическим, идеям, но сам упорно держался своих прежних убеждений и сыновей своих воспитал так же. Я пробовал его уговорить, указывая на достигнутое за это время. Он во всем соглашался со мной, согла-

шался, что национал-социалисты много сделали для народа, и в частности, для рабочих, он признавал все, но добавлял, что вот, если бы коммунисты стали у власти, то достигли бы гораздо большего.

— Вот, посмотрите на Советскую Россию! — говорил он всегда.

Началась война с Советским Союзом. Оба его сына пошли на фронт. Спустя месяца два я снова зашел к нему. Он встретил меня словами:

— Вот посмотрите, посмотрите, что мне сын пишет. — И вытаскив из ящика письмо, протянул мне. Старик был заметно взволнован. — Вот он пишет: «Как мы ошиблись, отец. Теперь я понял, что такое коммунизм, теперь я понял, что такое Советская Россия. И твердо решил до конца сражаться с этим мировым злом».

Старик помолчал и затем вдруг, запинаясь, спросил:

— Скажите, можно подать заявление о приеме в национал-социалистическую партию?

Я не думаю, чтобы он легко решился на этот шаг, ведь тяжело было признать, что вся жизнь была отдана химере, ажи, но тем не менее он это сделал. В. А. Пирожков.

Вокально-симфонический концерт

Недавно в Барановичах в помещении школы художеств состоялся вокально-симфонический концерт. Первая часть этого концерта была посвящена симфонической музыке в исполнении симфонического оркестра под управлением дирижера и композитора Спасского. Во второй части выступили солисты, исполнив лучшие произведения Чайковского и Спасского.

В заключение ученики школы исполнили ряд песен и танцев. Этот концерт на посетителей произвел очень хорошее впечатление.

Как в море корабли...

О прошедших днях молодости

Автомобиль срывается с места, заворачивает за иглу «Контетабля» и по гладкому асфальту идет на север. Еще поворот — и Гатчина позади.

Тайцы, Дудергоф... Вот, под горой озеро; вода на солнце блестит и переливается чешуйчатым серебром. Уже издали чувствуешь теплоту воздуха, поддаешься летнему очарованию, пока, хотя тут же видишь зонтики, танки... Так вот, и жизнь временами блестит и переливается, тянется к небу и успокаивается на земле.

Когда я подхожу к воде, в легком прибое я узнаю знакомую волну, которую знал на заре своей жизни. Появляется желание выкупаться, окунаешься с головой и забываешь все, что было, вернуться к бесозырьке и тугому белому ремню. Здесь я впервые зареде, окрест, возмужал и, если так можно сказать, сел под парус, чтобы носиться по морю житейскому. Три десятка лет я мотался по свету, вкусив и горького, и соленого; всякое видел и диковинное, и непонятное; купался во многих водах востока, юга и запада; меня падало чужое солнце и под разными ветрами грубела и лыдела жизнь. Только север, только вода Дудергофского озера грела меня по настоящему, радовала; только северное солнце румянило молодость и земля-родина ласкала, как мать.

Нигде и никогда не было так тепло весной, как тогда, на милым севере.

Земля обетованная, я на твоей груди дышу опять твоим теплом. Как блудный сын, после долгих скитаний, я опять вернулся в отчий дом. И родина не спрашивает, кто я, чем был, что делал; матери все дети одинаково близки и равны, на всех есть у нее тепло и всех она греет своим крылом, своей нескончаемой любовью.

Да, но я то сам. Правильно ли шел?

Да, наверно правильно, потому что я вернулся. Ушел на восток, чтобы прийти с запада.

Стучали тогда колеса обледеневшего поезда и в окнах мелькали леса, Урал, степь и бесконечная тайга, за которой лениво подымалось холодное солнце.

Менялось освещение, но тайга не меняла своего вида ни утром, ни вечером, ни следующим днем. Лес, да снег, да прозрачное небо, в котором тухнет день. Если бы я не был

так молод, мне было бы страшно от этой высокой прозрачной пустоты и нескончаемой холодной красоты, — это было так не похоже на привычную скопчанную туманную и малопонимаемую, (больше, конечно, чувствуемую), блистательную красоту русской столицы Санкт-Петербурга. Там — близкие люди, там часть моей жизни, недоговоренные слова, невысказанные чувства, там блестела моя кровь, жажда ответного отблеска.

Корни мои в Петербурге не были бы так глубоки, а воспоминания о нем со временем померкли бы, как от времени яркая лампада детской, тускнеет, если бы там не осталось мое нежное чувство, мой яркий светильник... словом, если бы не осталась там любимая девушка Наташа, которую я любил со всем пылом и воображением своей юной природы, и, конечно, тем сильнее, чем равнодушнее она относилась ко мне. И когда я хотел оторвать от сердца эту свою боль, она смотрела как то особенно грустно и, опуская свои длинные ресницы чуть ли не на передник — настолько они были длинны, — говорила: «я к тебе привыкла и мне без тебя, тебя бы не хватало...»

Я бессилен от ее голоса, слов, от ее красоты и любил ее еще сильнее, чтобы попрежнему оставаться нелюбимым.

Только один раз на Дудергофском озере, когда издали доносилась военная музыка и я сидел на веслах, а она на руле, и ветер был особенно тихий, наполненный всеми запахами земли, она, подаваясь необыкновенной обстановке летнего вечера, сказала: «А ведь не дай Бог, может случиться, что я тебя когда-нибудь полюблю...»

Когда я сказал, что это было бы самое правильное разрешение этой неурегулированной проблемы и что с этим следует поторопиться, она довольно резко заметила: «Тогда мы оба пропадем: ты в жизни не будешь героем»...

И вот, холодная тайга стелется перед окнами уже второй день и мне, когда я все это вспоминаю, жарко! Жарко и обидно, стыдно и хорошо...

Конечно, через год я вернулся и обязательно героем, чтобы собрать рассеянное и долго говорить недоговоренное.

Но судьба своим красным карандашом перечеркнула все предположения и расчеты.

Под улыбай походный шаг, когда так хорошо думаешь, я шагаю по венгерской земле. Грохочут пушки, гремит военная слава и мы идем навстречу неизвестному. Нас провожала родина на смерть, но люди говорили, что мы идем на подвиг. Провожали нас с молебном. Мы истово крестились, некоторые даже плакали и падали в снег на колени, иступленные и уже теперь беспомощные перед лицом безжалостной судьбы. Но потом превозгласили победу «христианскому биому», упомянули про «живот, положивших на поле брани» и благословили, идущих снова его класть. Промерзший попок окропили всех святой водой, которая стыла в волосах и на кислых солдатских шинелях; растеряла на ходу уши «христианские воины» торжались целовать крест.

Огонь, железо, кровь и смерть войны, когда я в походе думал, все возвращался к своей любви, оттеняли свет этого чувства и еще больше его увеличивали. В нем я находил весь смысл своей жизни и она мне казалась от этого значительнее, ценнее. Это не только смысл, но и корень, зацепка; ведь пока любишь — живешь, и только от любви и ее тепла, как весной черемуха, цветет твоя жизнь и лучится кровью.

Хочу все это обосновать, понять, верить и по этому пути идти, но не могу, потому что образовалась какой-то провал, осталась недоговоренность и на каком то подьеме остановилась кровь... Все это вроде терпких черемуховых ягод, о которых не думаешь, когда видишь цветение.

Мир с его дыханием, безграничностью и красотой стоит как бы в стороне и я чувствую, что это признак моей неужности, обреченности. Скоро по полю загоряют на бархатных крыльцах мотыльки, зажужжат жуки, пчелы, запопазуют всекие букашки и даже будут кусаться комары, а я ничего этого не увижу, все это позабуду... Мне становится очень жаль себя, своей молодости. Потом мысль внезапно перескакивает, я нахожу доводы своей нужности, ценности в этом мире и решаю, что судьбе ничего другого не останется сделать, как пощадить ме-

ня. И от этого вывода приливает кровь, сияет радость, и в мыслях опять желание большого подвига. И это все на суд Наташи, чтобы заполнить, связать, чтобы она еще раз подняла на меня свои глаза, чтобы дернула ресницами и сказала... что-нибудь сказала...

Мне не кажется странным, что этот «судья» еще меньше моего понимает жизнь, что он застрял на алгебраических уравнениях, не осмелив второго дифференциала, хотя над этим трудился и к этому готовился. И вот, странным мне кажется, что это еще не случилось.

Я мучусь по городам, залечивая раны и опять на полях Галиции вижу военную славу. Я несую горло голову, черезчур выпячиваю грудь, чтобы подчеркнуть повешенный на ней ярлык героя и хочу в опусто-

шенное сердце влить потерянную кровь и теплоту юности. Я иду и в мыслях и в действительности Наташу, иду, как идет пунтик кров, как море берег.

Покрой, течение моей жизни нарушено. Провал надо заполнить, круг сомкнуть. Надо обхватить весь свет, прожить, если надо, две жизни, но не найти ее нельзя!

Если в жизни, что-нибудь сильно захотеть и к нему неуклонно стремиться, судьба тогда покоряется и желание сбывается. Даже самое невозможное иногда бывает победоно упорством и человеческой волей.

В один из своих отпусков я встретил Сапу. И от него узнал, что Наташа в Варшаве и танцует в каком-то театре. Он также узнал, что ее жизнь сложилась очень неудачно; как когда-то пережизнаемовки, так и теперь всевозможные театральные и жизненные неудачи ее дожимали и мучили. Все наоборот, как и тогда: хотела играть, а пришлось танцевать; хотела любить, но была только любима. Сама сказала, что это несчастная девушка, не находшая ни своего признания, ни места в жизни, ни, тем более, счастья. Он передал мне ее карточку с трогательной надписью: «В память о бывших Дудергофских днях и сбывшихся опасениях».

Она перед тем, как окончательно разойтись в этой жизни, очень хотела еще встретиться и поговорить о прошлом, которое может, — так она сказала, — будет самым значительным и важным во всей ее жизни».

Шли дни, недели, месяцы. Нас теснили с запада на восток, бросали с юга на север. Барановичи. Наш эшелон стал на запасный путь; люди обеды. Я ходил по платформе, ожидая второй эшелон нашего полка. Прогримых пассажирский поезд и на две-три минуты остановился на станции, чтобы потом опять убраться и кого-то куда-то увезти. Когда поезд тронулся, случайно в одном из окон я увидел Наташу. О, этот грустный взгляд я узнал бы среди всей мировой труппы!

Ни время, ни наряд, а тем более и не жизнь не изменили черт любимого лица, не замутили глубины ее глаз. Она сразу и почувствовала и узнала меня, радостно протянула руку, которую я, идя за поездом, целовал.

Прикосновение и теплота ее руки, переполняя, захватили всего меня; казалось, что моего сердца коснулся кто-то мягкими, пуховыми руками.

— Наташа, любовь моя... А она улыбалась, как-то особенно сердечно и мило, отвечала на пожатие, и в такт, разрывающим ход колесам поезда, говорила: — люблю тебя... тебе люблю... —

— Да, Наташа, да... Я стал, как ты хотела — героем... —

— Нет, нет. Люблю тебя, как не героя... Поезд ушел, унес ее, занес куда-то в дедри русского пространства и я поехал в другую сторону. «Как в море корабли...»

Я не спросил, куда она едет, не сказал, где буду сам. Не было времени, и только успел три раза сказать «люблю» и пять раз целовать ее руку.

А потом тяжелой вереницей прошли года и десятилетия, и в их сутюлке, где то затерялась моя любовь к Наташе, завершив какой-то свой, ей одной известный, круг.

П. Дубов.

Бытописатель Урала

Памяти Мамина-Сибиряка

В конце первого десятилетия этого века в Царском Селе (ныне город Пушкин) на Широкой улице, ведущей к вокзалу, почти ежедневно можно было встретить идущего

Д. Н. Мамин-Сибиряк

в ровной походкой дряхлеющего старика. Он останавливался у начала вокзальной площади, у ступенек, ведущих в гастрономический магазин Царенкова, и, глядя в себя в

толку спешащих с поезда пассажиров, поджидал знакомых и близких.

Он часто подносил платок к слезившимся прищуренным глазам с красными веками, смахивал навертывавшиеся на глаза слезы и вытирал красное обрюзгшее лицо, изборожденное предательскими синими склеротическими жилками.

Одет он был далеко не богато и мало кто обращал внимание на этого старика. Но те, кто знал его, с почтением говорили друг другу:

— Это писатель Мамин-Сибиряк!

В восьмидесятых годах прошлого столетия романы Мамина-Сибиряка стали завоевывать широкую известность среди русской читающей публики и к началу двадцатого века писатель пользовался уже заслуженной популярностью. «Приваловские миллионы», «Золото», «Хлеб» рисовали до толе малоизвестную читателям жизнь Урала и западной Сибири, жизнь тайги, золотых приисков, старателей и сибирских предпринимателей, рисовали власть золота и страсть к наживе, одновременно изображая темный быт уральских крестьян.

Когда он выходил в Царском Селе на встречу поезду, тогда уже его дрожащие руки не могли держать быстрое и смелое перо, его писательская деятельность уже была в прошлом, хотя публика попрежнему зачитывалась живыми и фабульными произведениями одряхлевшего Дмитрия Наркисовича.

Кто из наших современников не читал в детстве удивительных по описаниям природы и по художественной искренности «Аленушкиных сказок» и других детских произведений Мамина-Сибиряка? — Он был не

только писателем для взрослых, но, чутко понимая детскую душу, подарил детской литературе замечательные детские рассказы, к сожалению в советское время незаслуженно забытые.

Мамин-Сибиряк был писателем-этнографом и по силе своего творчества может быть упомянут в истории русской литературы вслед за выдающимся русским писателем-этнографом П. И. Мельниковым-Печерским, причем такие романы Мамина-Сибиряка, как «Приваловские миллионы», как «Золото», по своему художественному реализму, по своей силе, по богатству материала и сочности изображения жизни Урала, по характеристике быта и описанию своеобразной природы могут быть поставлены рядом с знаменитыми романами Мельникова-Печерского «В лесах» и «На горах».

Мамин-Сибиряк был и по рождению, и по жизни, и по творчеству вполне русским человеком, его творчество глубоко национально и, как русский национальный писатель, он должен быть особо отмечен в наши дни возрождения национальной России.

Писатель, несмотря на созданный им цикл интереснейших романов, умер в большом недостатке, как, впрочем, умирали и до него и после него многие русские выдающиеся люди.

Многие произведения Мамина-Сибиряка свежи и поныне, значительны по содержанию и художественной правде и представляют интерес для современного русского читателя, желающего ознакомиться с бытом Урала и Сибири конца прошлого и начала нынешнего века.

Алексей Сиверский.

А. М. Васнецов «Тайга»

Встреча

Из германских впечатлений

...Уже вечерело.

На вершины гор наплывали легкие вечерние облака, окрашенные стыдливым румянцем заката.

Воздух был прозрачен.

Легкий теплый вечерний ветерок пробегал по улицам небольшого городка, приютившего среди горных громад Тироля.

Взглянешь направо — горы, налево — высокие хребты, до половины покрытые густым темно-зеленым лесом.

Была бы удивительная тишина у подножия этих поражающих взгляд громад, если бы воздух не оглашался звуками — вибрирующими, друг друга перебивающими, сплетающимися в неподдающуюся обычной нотной записи симфонию.

Это были звуки колокольчиков, своеобразная симфония, несущаяся с гор.

Что это?

...Из калиток придомовых аккуратных палисадников спешно выходили горожане, выбегали дети. Все они застыли в оживающих позах у ворот домов, устремляя взоры в даль, ограниченную горными отлогими. А оттуда, все слышнее и сильнее, доносился приближающийся звон колокольчиков. На лицах горожан — радостная улыбка, привет, нетерпеливое ожидание.

Что же это?

...Но вот, гром своеобразного оркестра, совсем близок, звуки уже заглушают челове-

вызывающими общую своеобразную мелодию.

Стадо сопровождает пастуха в национальной тирольской шляпе с кисточкой; он идет рядом с возглавляющими это удивительное шествие коровами.

Горожане приветствуют процессию, хозяева встречают своих животных, и эта встреча превращается в традиционный народный праздник.

Что это такое?

Это — ежегодное возвращение стад в города и деревни Тироля, возвращение коров с горных лугов, где дымчато-серые «Красавицы» обычно пасутся и дни и ночи с самого начала весны до осени, до этого дня торжественной встречи. Это — народная традиция, превращающаяся в своеобразный народный праздник окончания сезона горных пастбищ.

Коровы поочередно останавливаются у ворот домов и долгим мощным мычаньем приветствуют своих хозяев и знакомые зимние жилища.

Они не забыли их, они помнят свои дома! Встречающие хозяева вводят коров в чистые, где нужно — отремонтированные, стойла и бросают в кормушки первые душистые концы сена. Колокольчик отвязывается и бережно убирается — до весны, когда дымчато-серые «Красавицы» так же торжественно пойдут в горы, на горные пастбища — до осени, до нового дня встречи.

С наступающей темнотой умолкает симфония колокольных звуков. Скот разошелся по домам.

...У каждого народа есть свои обычаи, свои традиции. Обычай и традиции глубоко национальны, отражая в себе дух, культуру, взгляды отдельных народов, отличающих их друг от друга.

Чем выше национальное самосознание народов, — тем священнее для них старинные (иногда очень наивные) традиции, идущие от седых времен прошлого, так удивительно связывающие это прошлое с настоящим единой нерушимой цепью освященных веками обычаев.

В этих обычаях имеется своеобразная прелесть, своеобразная и удивительная народная символика.

Аль-Пе.

Пчелиный труд

Как образцово устроена «служба» в пчелином улье! Пчелы — и те отбывают воинскую повинность. Они вылетают из улья впервые только после того, как 10—12 дней своей жизни проведут за работой по очистке улья и по уходу за личинками. На 18-й день их жизни наступает их двухдневное отбывание воинской повинности, заключающееся в том, что в этот срок пчелы несут службу по охране и защите родного улья от постороннего вторжения, нередко при этом рискуя собственной жизнью. По окончании службы, у них остается еще двадцать дней, которые они могут посвятить сбору меда. По истечении 40 дней — жизнь рабочей пчелы приходит к концу.

Шествие открывают четыре коровы; их рота украшена венками из трав, цветов и листьев, на шеях подвешены большие, покачивающиеся равномерно с их поступью, колокольчики. За первыми четверыми — несколько десятков коров тоже с колокольчиками,

«Красавица» невозмутимо проходит мимо рядов встречающей публики.

ческие голоса, — и с гор показывается медленно бредущее стадо коров одинаковой дымчато-серой, тирольской масти.

Шествие открывают четыре коровы; их рота украшена венками из трав, цветов и листьев, на шеях подвешены большие, покачивающиеся равномерно с их поступью, колокольчики. За первыми четверыми — несколько десятков коров тоже с колокольчиками,

череские голоса, — и с гор показывается медленно бредущее стадо коров одинаковой дымчато-серой, тирольской масти.

Шествие открывают четыре коровы; их рота украшена венками из трав, цветов и листьев, на шеях подвешены большие, покачивающиеся равномерно с их поступью, колокольчики. За первыми четверыми — несколько десятков коров тоже с колокольчиками,

Через три часа Иван Иванович возвращается какой-то странный. На вопросы жены он только мычал, как от зубной боли и отмахивался руками. Наконец, ей удалось узнать, что ему дали бумажку на право иметь дополнительную жилплощадь в размере девяти метров.

— Но ты им сказал, что у нас нет никакой основной площади? Что я уже ночевала на улице? Что...

— Все, все сказал. Показал квитанцию на уплату членских взносов в жилищкооператив, письмо их с обещанием предоставить квартиру не позже, как через две недели по приезду нашем в Москву, что прошло уже пять месяцев.

— Ну...
— Говорят, что я первый на очереди в дом, какой будут строить в этом году, что там будет не комната, а квартира, что Моссовет уже запланировал нашу постройку, что теперь ждать не долго.

— Ну, а послезавтра мы куда же?...
— Не знаю... Разве вот что? Попробуем к Бочковым в ванную попроситься. Она у них испорчена. Пока, коммуна почитит, мы, месяц-два поживем.

— Да, это чудно! Только скорей, пока никто не догадался. А мы им будем всю квартиру оплачивать.

Иван Иванович снимает трубку телефона.

О. Кравич.

Звон колокольчиков и мычанье скота оглашают горные отроги Альп.

Комедианты общественной

Давно и верно сказано, что в советской России нет никакой диктатуры пролетариата, а есть диктатура над пролетариатом. Как и все прочие слои населения, пролетариат безмолвствует в стране советов. От его имени говорят разные проходимицы.

На бесчисленных собраниях, на которые рабочих гонят партиячейка, происходит комедия обсуждения мероприятий советской власти и даже критика их: в заключении «с энтузиазмом» принимаются резолюции и происходит «изъявление» благодарности за счастливую жизнь великому и мудрому вождю.

В безвоздушной среде проделать эту комедию невозможно. Необходимо, чтобы налицо были хорошо вытрезившиеся комедианты, которые извергаются потоки преданности, энтузиазма, производственного пафоса, классовой ненависти, революционной бдительности и безграничной преданности подсоветскому строю. Короче, они должны изображать «расцвет» советской общественности.

На каждом беспартийном собрании выступает несколько ораторов этого типа. Космополитично или бойко, грубо или тонко — они играют свою роль.

Они создают видимость свободной высказывания, ломают комедию советской свободы. Психология комедиантов любопытна и заслуживает некоторого внимания. Комедиант, конечно, раб, как и его молчаливые слушатели, и все отлично сознают это. Комедию независимости они разыгрывают по приказу господ и на их потребу. Но такому артисту доставляет какое-то удовлетворение — при совершенном сознании своего рабского положения — корчить из себя «гордую и свободную» личность, выразителя идеи диктатуры пролетариата. Пышно звучит: «Мы требуем», «Мы никому не позволим», «для нас нет ничего невозможного», «органы нашей власти» и т. д., и т. д.

Конечно, без всеобъемлющего насилия большевиков, комедия была бы невозможна. Просто никто не стал бы слушать болтунов. Но ведь и одного насилия недостаточно для возникновения этого феномена советской жизни. Нужна еще и воляная тяга к подлости. Нужен вкус на самоунижение. Ораторы советской общественности это ведь современная разновидность шутов. Есть потребность иметь шутов и потребность быть шутом. Встреча этих потребностей создает советскую общественность. Исполняется социальный заказ на комедию «пролетарского счастья».

В большевической государственной экономике эта комедия имеет какое-то значение. И потому она превращена во всеобщую повинность. Один иностранец, наблюдая ее, заметил: «Противно, но весело». Для нас же русских это очень противно и отнюдь не весело.
Т. Л.

Ради такой жалкой «жилплощади» нам приходилось бороться с большевизмом и бюрократизмом!

Тайны

Происхождение обиходных выражений

Предисловие

В одном из календарей помещен был объяснительный список тех изречений и слов, взятых из иностранных языков, которые часто употребляются в различных газетных и журнальных статьях. Эти чужие замечательные мысли, в немногих словах высказанные по большей части латинскими классиками, конечно, потребовали не только перевода, но и указаний на первоначальные источники, как корень и причину их происхождения.

Я задался подобной же задачей, но сделал опыт в противоположном направлении, остановившись для объяснений не над учеными и книжными апофегами, а над теми мимолетными разговорными, так сказать легкими и крылатыми, словами и ходячими выражениями, которые исключительно принадлежат отечественной речи, имеют корень в русском разнообразном мире и даже получили значение народных пословиц и поговорок. С наибольшим вниманием необходимо было (само собой разумеется) остановиться на толковании тех из них, которые, в переносном смысле, с утратой первоначального, оказались либо темной бессмыслицей, либо совершенной чепухой.

Долетают, например, до уха отрывочные выражения из разговора двух встречных на улице про третьего:

— Сам виноват: век свой был баклуши — вот теперь поделом и попался впрасак.

— Грех да беда на кого не живет, — огонь и попа жжет. Погоди: будет и на его улице праздник.

Эти жесткие выражения упрека и мягкие слова утешения, принятые с чужих слов на веру, до такой степени общеизвестны, что во всякое время охотно пускаешь их на ветер, не вдумываясь в смысл и значение. Равным образом и сам их выговоришь не одну сотню раз в год, в уверенности, что поймут другие.

Пускать пыль в глаза

или, что одно и то же, мотать из тщеславия приобретенное или наследственное имущество, жить шире наличных средств, хвастаться, надувать и морочить, шеголяя всякими способами. Московский археолог И. М. Снегирев пытается объяснить это выражение историческим примером. Он приво-

дит его из сочинения Рафаила Барберина, бывшего в XVI веке свидетелем в Москве одного тяжёлого поединка, когда соперники бились в поле (у церкви Троицы, что «у старых полей», — ныне просто «в Полях»). Бились, как известно, в доспехах: и тот, кто дал взаимные деньги, и тот, который отрекается и не хочет платить. При этом Барберин сообщает, что очень смешно был способ вооружения тяжущихся: «доспехи их так тяжелы, что, упавши, они не в силах бывають встать». В таком-то вооружении оба сражались до тех пор, пока один из них не признает себя потерявшим поле. «Мне рассказывали, что однажды случился литвинин иметь подобный поединок с москвитянином. Литвин никак не хотел надеть на себя вооружение, а взял только нападательное оружие, да еще украдкой захватил мешечек с песком и привязал его к себе. Когда дело дошло до боя, он бегал легко и прыгал из стороны в сторону около москвитянина, который, по причине тяжелого оружия, едва мог медленно двигаться. Улучив время, литвин искусно подскокил к нему и пустил в отверстие наличника щепотку песка, так что ослепил его, и в это самое время железным топором начал ломать на нем панцирь. Москвитянин, не мог ничего видеть и признал себя побежденным, и литвин остался победителем. После этого случая, москвитяне не стали уже позволять иностранцам вступать с ними в подобные поединки.

После дождика в четверг

По объяснению И. М. Снегирева («Русские в своих пословицах») на славяно-германском севере четверг был посвящен Турову или Грому дню (Турстаг). В этот день этому суровому богу, называемому славянами Перуном, молились о дожде. Проловь Христовой веры обезличила языческую святость-самого дня и обезвредила верования в старинного бога. Обо всем несбыточном стали говорить в смысле вышеприведенного выражения.

С. В. Максимов

Добавочная жилплощадь

Из советского быта

— Нет, я больше не могу!.. Как хочешь, куда хочешь, но пора кончать эту собачью жизнь! Перевозись, просись на зимовку, на Новую Землю... куда там знаешь, но больше я не намерена ночевать в скверах.

— Но, Манечка, что же я могу сделать?..

— А я почему знаю? Почему все мужья могут устроить жен? Почему у всех есть квартиры, а мы болтаемся, как неприкаянные души по Москве? Вот послезавтра приедут хозяева комнаты, куда мы денемся? Опять, глядя на зиму, на дачу?

— Хоть бы дачу то найти...
— Ну, уж нет...
(Звонит телефон. Иван Иванович берет трубку. Да, да. Что? Через полчаса буду. Да. Хорошо.)

— Манечка, меня вызывают в ЦКУБУ (Центральное бюро по улучшению быта ученых) по представлению мне добавочной жилплощади. Вот-то не было ни гроша, да вдруг алтын. То никакая площадь, а то и добавочная. Значит отстроили дом и распределяют квартиры.

— Ты, пожалуйста, не прозевай по обыкновению. Постарайся на солнечной стороне и не выше третьего этажа.

— Да, да, все знаю. — Уж я выберу. Будь спокойна! (Уходит).

Через три часа Иван Иванович возвращается какой-то странный. На вопросы жены он только мычал, как от зубной боли и отмахивался руками. Наконец, ей удалось узнать, что ему дали бумажку на право иметь дополнительную жилплощадь в размере девяти метров.

— Но ты им сказал, что у нас нет никакой основной площади? Что я уже ночевала на улице? Что...

— Все, все сказал. Показал квитанцию на уплату членских взносов в жилищкооператив, письмо их с обещанием предоставить квартиру не позже, как через две недели по приезду нашем в Москву, что прошло уже пять месяцев.

— Ну...
— Говорят, что я первый на очереди в дом, какой будут строить в этом году, что там будет не комната, а квартира, что Моссовет уже запланировал нашу постройку, что теперь ждать не долго.

— Ну, а послезавтра мы куда же?...
— Не знаю... Разве вот что? Попробуем к Бочковым в ванную попроситься. Она у них испорчена. Пока, коммуна почитит, мы, месяц-два поживем.

— Да, это чудно! Только скорей, пока никто не догадался. А мы им будем всю квартиру оплачивать.

Иван Иванович снимает трубку телефона.

О. Кравич.

Звон колокольчиков и мычанье скота оглашают горные отроги Альп.